

A close-up photograph of a leopard walking along a dark tree branch. The leopard's body is covered in a pattern of dark, irregular spots on a lighter, golden-brown fur. Its head is turned slightly to the left, and its eyes are partially closed. The background is a solid, clear blue sky. The lighting is bright, highlighting the texture of the leopard's fur.

ПЕРВОЕ АФРИКАНСКОЕ САФАРИ
МОЛОДОГО ОХОТНИКА: БОРЬБА СОСТОЯНИЙ
ВОЗБУЖДЕНИЯ И СТРАХА

ДЖЕК ИВЭНС

ЮНЕЦ И ЛЕОПАРД

Мы теснились на диване. В первой половине видеоролика о сафари моего отца в Ботсване практически ничего не происходило – одни разъезды на машине туда-сюда, рассматривание зебры в бинокль, и вообще – чистая релаксация. Ну, короче, как раз то, что можно ожидать от современного сафари: никакого риска, просто дорогостоящее разглядывание всякой дичи, трёхнедельный отпуск.

«Вот он появился, – заметил отец. – Гляди, как этот слон наступил на бревно – словно оно из резины».

Гигант заслонил собою почти всё поле кадра. Он находился перед отцом, который ростом был ему всего лишь по его могучую грудь. Слон грозно сделал четыре шага в его направлении.

«А вот сейчас он на расстоянии в сорок ярдов от меня», – пояснил отец.

На экране он произвёл первый выстрел из своего штуцера. Но ничего не произошло.

«Второй ствол, и то же самое, – вздохнул отец. – Только щелчок».

Ну да, выстрела из левого ствола тоже не было заметно. Ружьё отца было не заряжено, а слон перешёл в наступление.

В двадцати футах слон притормозил в облаке пыли, размахивая ушами и сердито раскачивая хобот. Но отец не отступил и не убежал, когда слон проводил эту ложную атаку. Он просто переломил своё ружьё, зарядил двумя патронами и закрыл его в тот момент, когда слон снова бросился на него.

«Смотри, как он трясёт головой из стороны в сторону, так, что я не мог взять прицел. Видишь, как развеваются его уши. Это всё, что я мог видеть».

На двенадцати футах дистанции отец выстрелил, поразив слона под глаз.

«Я сделал это, чтобы он не тряс головой».

Слон стал как вкопанный, и отец выстрелил снова. Зверь отпрянул, его задние ноги подломились, а передние медленно поднялись в воздух. И гигант боком рухнул на землю.

Пока я не увидел это видео, моё предстоящее сафари представлялось мне чем-то вроде мешанины из рассказов отца, мультфильма «Король лев» и книг Редьярда Киплинга. Но теперь это выглядело уже по-настоящему. Я впервые собираюсь отправиться с отцом в Африку, в Ботсвану – землю

атакующих слонов – с отцом, который позволил одному из этих слонов приблизиться к нему на расстояние двенадцати футов. И обстоятельства этого эпизода, которыми отец иногда скупно делился, как-то не вдохновляли.

«Ну вот, бегемоты подплыли прямо к лодке, и – кстати, Джек, мы там и с лодки поохотимся, – они рычали и пытались перевернуть её».

Приключение начинается

На подготовку у нас был целый год. Я изучал анатомию африканских животных, скорости пуль и произведения Джека О'Коннора. Стрелять на сафари я собирался из ружья Ruger International калибра .308 с «полной» (также известна как «карпатская» или ложа типа stutzen. – Прим. ред.) ложей. Чтобы попрактиковаться, мы снабдили винтовку с продольно-скользящим поворотным затвором калибра .22 таким же оптическим прицелом, как и у моего «ругера».

Что до одежды, то я остановил свой выбор на двух парах брюк Cabela's, фетровой шляпе с росчерком Уго Беретта и копии рубахи, которую носил Джон Уэйн в фильме «Хатари». И всё это добро было на два размера больше.

Джек Ивэнс

Тринадцатилетний Джек Ивэнс со своим замечательным трофеем – леопардом из Ботсваны, добытым им на его самом первом африканском сафари

Первый перелёт – из Атланта через Дакар и в Йоганнесбург: 8505 миль, тринадцать фильмов, пятнадцать пакетиков солёных кренделков, четыре размороженных обеда, два стакана молочного коктейля, один обыск самолёта сенегальскими сапёрами на предмет взрывчатки, пять часов сна.

Переночевав в Йоганнесбурге, мы пересели на голубой, раскрашенный под зебру самолёт компании Air Botswana, направлявшийся в Маун, город на южной оконечности дельты реки Окаванго. Прилетев на место, мы прошли в зону таможни и иммиграции и предъявили наши ружья и охотничьи лицензии. Таможенник еле взглянул на наши лицензии, залился гомерическим смехом и взъерошил мои рыжие волосы.

«Хи-хи-и-и... Малыш собрался пристрелить леопарда!»

Я тоже нервно хихикнул. «Ну да. Леопарда».

Мы с отцом встретили одного из наших проводников и остановились у местного магазинчика перекусить какими-то мясными пирожками, запив их забавно старомодной крем-содой «Спарлетта». Затем набились в пикап и отправились в лагерь. За час езды мы миновали четыре машины, увязшие в мягких песчаных колеях. На контрольном ветеринарном пункте служащий sprysнул наши ноги и пикап каким-то химическим реагентом из распылителя. И мы поехали дальше.

Теперь, когда мы выехали из района Маун, показались и дикие животные. «Гляди, слон. Правда, они симпатичные?» – обратился ко мне отец.

Вместо ответа я уставился на свою «Спарлетту», которая была занятного ярко-зелёного цвета.

На второй день охоты я добыл свою первую африканскую дичь, крупного самца антилопы цессебе, а вскоре взял и бородавочника, гну и зебру.

В период между утренней и вечерней охотой все живые существа, включая и нас, ели и спали, чтобы как-то провести самые жаркие часы. Наше меню варьировалось от вырезки из куду до мяса цессебе в кунжуте, запиваемого «Спарлеттой» или гибридом сиропа для коктейлей на основе дроблёного льда и шипучки из корнеплодов с мускатом, известной под названием «Айрон Брю».

В заболоченных местах около лагеря водились крупные сомы, и я попытался поймать одного из них с помощью крючка от вешалки и шнура от ботинок.

Повар с интересом наблюдал за моим экспериментом и продемонстрировал затем свою технику, подцепив рыбу за четыре секунды. И вкус у неё был отменным в дополнение к жаркому из импалы.

Однако почти всё своё свободное время я напряжённо размышлял об охоте на леопарда.

Пятнистый вор

На девятое утро, проснувшись, мы обнаружили, что туша импалы, которую мы оставили в кузове грузовика в стороне

Джек Ивэнс

Несмотря на свою юность, автор произвёл отменный выстрел по своей первой добыче из крупных и опасных животных

от палаток, исчезла, а брезент, покрывавший её, был растерзан. Мы намеревались подвесить её на дереве в качестве приманки, но леопард решил, что она выглядит вполне аппетитно и в кузове «лэнд круизера» и пришёл к нам.

Наши следопыты, Оу-Ти и Джонсон, вознамерились обнаружить останки импалы, поскольку их местонахождение объяснит нам, где прячется леопард.

Мы остановились на опушке леса сразу же за лагерем. Наш РН, Джефф Рэн, вышел из кабины, держа в руках «горизонталку» 12-го калибра.

«Поставьте кратность прицелов на «единицу», – шепнул он.

Мне припомнилось место из одного фильма на видеодиске «Боддингтон против леопарда». Там толковали, что если идти в заросли на леопарда, то надо установить кратность «единицу» на оптическом прицеле своего ружья. В таком случае, если он атакует, можно быстро вскинуть оружие к плечу и обеспечить себе отличное, широкое поле зрения через прицел.

Я глянул на отца, указал на тёмные заросли и заикнулся было: «А что...».

«Тс-с-с...», – прервал меня отец. «Запомни – леопард, может быть, и не убьёт Оу-Ти, но вот пуля калибра .308 точно уложит его. Так что если он прыгнет на кого-нибудь, пригнись и стреляй в него снизу вверх».

«Н-ну, ва-аще, – мысленно фыркнул я. – Мало того, что я ответственен за то, чтобы пристрелить атакующего леопарда, так отвечай теперь ещё и за то, чтобы не прихлопнуть заодно и Оу-Ти».

Я молча подчинился, и мы направились к деревьям. На ходу прокручивал в голове тысячи вероятных сценариев развития событий, в которых всех нас просто пожирала. Что мы будем делать, если леопард нападёт? Я и до сих пор не знаю ответа...

Мы остановились. Передо мной проводники, похоже, возились с чем-то на земле, но кустарник закрывал их от меня. Справа, вблизи, была чащоба с шипами, высотой не менее пяти футов. И леопард был там. Я знал, что он – там.

Я приготовился к его прыжку: мой большой палец был на предохранителе, указательный – на спусковом крючке, а глазами я поедал эти заросли.

«Возвращайся к пикапу», – шепнул отец.

Проводники обнаружили останки импалы и сообщили, что там, рядом с ними, много следов, но леопарда нет.

Приманка

В этот день, попозже, мы повесили то, что осталось от импалы, на невысокое дерево в шести-десяти ярдах от более рослого дерева, где мы устроили засидку из камуфляжной сетки и ветвей.

Ожидая в засидке, я знал, что леопард был там с самкой и детёнышем, и знал также, что он придёт к приманке только тогда, когда стемнеет. Вся штука заключалась в том, чтобы окататься там, когда ещё довольно светло – и, в таком случае, законно – для производства выстрела.

Я лежал там, листая взятую с собой книгу языком. Пытался читать, вспоминал песни, складывал вирши, – да всё что угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о леопарде.

Он пришёл на третий вечер, прямо перед закатом солнца. Однократным прикосновением к плечу мне подали сигнал готовности: медленно привстать и прицелиться. Я просунул оружие в треугольную бойницу и прильнул к прицелу.

Леопард стоял на ветке шириной с фут и пожирал приманку. Вдруг он прыгнул вверх, под защиту ветвей, и был таков. Секундой позже что-то пробежало по дереву и устроилось на ветке, заняв место первого животного у приманки.

Это не был колоритный, очаровательный, величественный кот, сошедший с полотен Кунерта. Это была необузданная бледно-жёлтая зверюга. Она прошлась по ветке, оторвала кусок импалы и присела.

«Просто выбери точку и прицелься в неё, – пронеслось в голове. – Подожди, когда привстанет, и нажми на спусковой крючок».

Джек Ивэнс

Автор со следопытами, Оу-Ти и Джонсоном, и с импалой, взятой им во время сафари

Я ощущал себя в полной готовности, пока леопард не взглянул на меня через прицел.

«Тебе не убить меня, – казалось, хотел рывкнуть он. – Ты просто ещё одна животина в моём лесу и ты не можешь причинить мне вред. Ты намерен попытаться это сделать. А затем ты выйдешь из своего ящика и останешься со мной в темноте, здесь, в лесу. И я убью тебя и сожру. Так что вперёд».

Он отъел ещё кусок и уселся там, поглощая добычу. Закончив, он встал. Глянул мне прямо в душу и рыкнул.

Когда я оправился от отдачи ружья, он уже летел вниз с дерева. Ударился оземь в густом клубе пыли и исчез.

«Ну как, неплохой выстрел, а?» – поинтересовался Джефф.

«Ну да, круто», – соврал я.

«Только вот что, – протянул Джефф, словно разговаривая сам с собой, – он же прыгнул с дерева. Не упал. Возможно, твой выстрел не сломал ему плечевые кости».

Мысленно я уже помирал тысячью смертей.

Мы спустились вниз из засидки и передали по радио следопытам, чтобы пригнали пикап. Я уселся в кабину, громко молясь, чтобы леопард был мёртв, ради чистого выстрела, ради Бога, чтобы Он защитил нас.

Оу-Ти и Джонсон, смеясь, прибежали через заросли. Они подхватили меня и потащили туда, где мой отец стоял над убитым леопардом. Шея у леопарда толщиной была не меньше моей талии, и у него были огромные, тяжкие лапы. Я еле смог сомкнуть руки вокруг основания его хвоста.

«Отличная работа, сынок! Я ещё никогда не видел такую громадину!» – воскликнул отец.

«Ага, я тоже», – буркнул я.

На следующее утро я проснулся, чувствуя себя полностью свободным от каких-либо забот в мире. И смог, наконец, сосредоточиться на завершении своей охоты.

Следующим моим важным трофеем стал куду. Отец уже добыл свою антилопу, так что основные наши усилия были сосредоточены на том, чтобы отыскать крупный экземпляр и для меня. Поздно вечером, в колючей чаще на песке, мне представился мой шанс. Мне показалось, что в секунду моего выстрела обрушилось солнце, оставив нас в мутной пурпурной мгле. Куду подпрыгнул и пропал без следа.

Через час безтолковых поисков с фонариками приняли решение вернуться утром. А на следующий день мы обнаружили эту антилопу, точнее, её разорванные останки всего лишь в нескольких ярдах от того места, до которого мы дошли, но повернули назад прошлой ночью.

Возможно, однажды я подстрелил дикую свинью – пеккари, а, может быть, она осталась цела. Теперь уж не скажешь. Я также полагаю, что дикая собака, которую я ранил из своего дробовика, скрылась в своей норе. Но видеть это животное, которое пуля в бок сделала неподвижным, и оставить его умирать – это совсем другое дело.

С этой поры мне нередко снилось, что я лежу на земле в лесу и не могу двинуться. Мне трудно сказать, как я выгляжу, и я не могу оглянуться назад, но я пытаюсь приподнять свою голову из грязи. Это ясная ночь и всё тихо, кроме отдельных птичьих голосов. Из темноты проявляются жёлто-оранжевые морды нескольких гиен, одна за другой. Они останавливаются передо мной, а я пытаюсь подняться, но такое чувство, будто я лишён членов тела. Они смыкаются над моим беспомощным телом, но я ничего не чувствую; я только могу глядеть перед собой и слышать, как они рвут на куски и гложут моё тело.

Второй перелёт, из Мауна через Иоганнесбург и через Дакар в Атланту: 8946 миль, 347 фотографий осталось теперь в моей камере (33 стёрто), шесть кинофильмов, три звонка домой с заявкой приготовить творожный пудинг к моему возвращению и один сон без сновидений. Я добыл леопарда чисто, правильно и честно – таким образом, как я и хотел. И теперь я знаю, что это – самый лучший путь.